

К. Менг, Е. Ю. Протасова

Елена Кхуэн-Белази: «Русский язык мне ближе к сердцу»

Наши представления об эмиграции первой волны, созданные книгами и фильмами, часто стереотипны, однако в них много брешей. Как ни удивительно, до сих пор есть возможность более подробно узнать о диковинных судьбах этих людей и их потомков. Вот уже двадцать лет мы ведем исследования русско-немецкого двуязычия. В основном мы встречаемся с эмигрантами четвертой волны – российскими немцами и контингентными беженцами, а также бинациональными семьями. Знаем отдельных представителей первой, второй и третьей волн эмиграции. Женщина, о которой пойдет речь ниже, уникальна вообще и уникальна для своего поколения русскоговорящих. Особенно важно подчеркнуть, что познакомились мы с ней потому, что совпали наши представления о том, какое большое значение имеют разные языки в жизни человека: иммигранты не должны отказываться от своего «я» и культурного наследия своей родины; можно быть мультилингвом и с каждым языком связывать особые воспоминания и переживания; чтобы выучить язык, нужны особые условия, в создание которых и принимающее государство, и прибывающие новые его граждане должны внести свой вклад.

Наш рассказ основан на беседах, переписке, статьях и интервью госпожи Кхуэн-Белази, которые она легко давала нам в устной форме на обоих родных для нее языках – русском и немецком; мы слегка придали ее речи литературную обработку. Прямые цитаты даются в кавычках.

Бабушка, Лариса Прокопьевна Барсова, дочь царского офицера, родилась в Переславле-Залесском в 1900 г., ходила в гимназию во Владимире. В свою очередь, ее мама происходила из купеческой семьи и, получив образование, пошла в народ, учить крестьянских детей. Она не боялась, как говорит Елена, быть оригинальной.

Может быть, от нее стремление к просвещению передалось и всем потомкам. В 1917 г. семья бежала – в Сибирь, точнее, в Павлодар. Там произошло знакомство бабушки и дедушки: Фритц Шмидингер был австрийцем, который шесть лет находился в русском плену во время Первой мировой войны. Этот образованный человек, выучившийся на инженера в Вене и Мюнхене, любивший языки, овладел русским и говорил на превосходном, богатом литературном языке, хотя и с ужасным акцентом, от которого никогда не избавился. Бабушка захотела выучить немецкий язык и искала учителя среди пленных; интерес к поэзии, особенно к Генриху Гейне, не оставлял ее. Так они познакомились, а поженились в Семипалатинске, причем семейным языками с тех пор всегда оставались и русский – язык эмоций, и немец-

кий. В 1921 г. произошел обмен военнопленными, и дедушка уехал с уже беременной женой из России. Дочь Татьяна родилась в Любляне, в бывшей Австрии, которая к тому времени была уже Югославией. Позже переселились в Белград, где глава семьи работал архитектором на железной дороге. Фритц Шмидингер, выросший в Лайбахе, свободно говорил по-словенски, потом изучил и сербский. Мама разговаривала на немецком, русском, сербском, а ходила в немецкую школу. Когда немцы в 1941 г. захватили Югославию, то дедушка, немецкоязычный человек, очутился в такой ситуации, что должен был сотрудничать с фашистами, чего он делать не пожелал. Он попросил, чтобы его послали обратно в Австрию, в чем ему отказали, но переехали в Мюнхен, а затем в Дрезден, где в феврале 1945 г. семья пережила английскую бомбардировку, но потеряла дом. Именно тогда мама Елены переехала к дедушкиной тете, в деревню в Южный Тироль: тетя болела и нуждалась в помощи. Там она, одна, без мужа, родила свою первую дочь – Елену. Младшая сестра мамы в 1948 г. уехала с мужем – американским солдатом польского происхождения – в Америку и стала там профессором русского языка и литературы. Дедушка с бабушкой оказались в Нюрнберге; на пенсию Фритц Шмидингер вышел в 1952 г.

Русский язык был первым, который Елена услышала от матери, и отсюда отношение ее к русскому языку: по ее словам, это признак семейной интимности. Хотя она выросла в немецкоязычном окружении (до 1920 г. Южный Тироль принадлежал Австрии, а потом стал относиться к Италии), дома разговаривали с мамой и бабушкой на русском, с папой на немецком языке, с дедушкой на двух языках. Когда Елене было около года, ее отцом стал Руперт Кхуэн-Белази, потомок обедневшего графского рода, отслуживший солдатскую службу и раненый на войне, ставший строительным техником. Сам он не говорил по-русски, но имел четкое представление о позитивности многоязычия.

Если в окружении были люди, не знавшие или немецкого, или русского, то семья переходила на тот язык, который был понятен всем. Это было нормой жизни: знать языки и передавать владение ими детям. С точки зрения госпожи Кхуэн-Белази, «весь фокус состоит в том, до какой степени воспитатели, родители употребляют сознательно свой язык и свои языки. То есть если они сознательно употребляют язык в довольно чистой форме, то он может и передаваться таким образом. У нас, конечно, тоже употребляется немецкое предложение, вставляется какое-то русское слово или наоборот, но это не представляет большинство употребляемого языка, а большинство предложений, большинство общения происходит все-таки на приличном литературном языке, который имеет свою структуру и свою жизнь. Если ребенок растет в такой атмосфере, то никакого беспорядка не бывает, так мне кажется». Если близкие подают пример, ответственно занимаясь языком, следя за его чистотой, то это передается и ребенку.

Родители Татьяны часто приезжали погостить и жили по несколько месяцев в семье дочери, а позже и вовсе там поселились. Дома бывали в гос-

тях русские знакомые дедушки и бабушки с эмигрантских времен, маленький круг, то и дело терявший и вновь находивший друг друга в перипетиях сложного времени. В остальном семья, говорившая по-русски, была в Тироле «как марсиане». Русским пользовались, если хотели скрыть какую-то информацию от соседей или одноклассников.

Как это часто бывает, когда Елена и две ее младшие сестры поступили в школу, то стали чаще и чаще отвечать на немецком языке, когда им задавали вопросы на русском. «В школе никакого русского быть не могло. У нас была латынь, итальянский язык, немецкий язык, вот и все». Более того, каждого ребенка отдавали на год в итальянскую школу, чтобы они овладели там государственным языком страны – итальянским – в совершенстве. До этого дети учили в немецкой школе итальянский 4–5 часов в неделю, а летом брали еще дополнительные уроки итальянского. Это помогало, но не избавляло поначалу от плохих оценок; лишь постепенно дети достигали своего уровня успеваемости в новой школе. Старые подруги сохранялись, новые приобретались.

Отношение к русскому языку изменилось, когда Елена впервые смогла сопровождать бабушку в 1966 г. в Россию, когда она, после 45 лет отсутствия, поехала после смерти дедушки посмотреть, что там происходит. Во время войны они с сестрой потеряли друг друга, переписка прервалась на длительное время, потом через международный Красный Крест сестры восстановили контакт. Елена боялась очень первой встречи, будучи воспитанной в антикоммунистическом духе. Она ехала в Москву, думая, что владеет русским языком, и так оно и было, но в другом смысле: язык – это живой организм, многие слова устаревают, другие приходят, например, она говорила «башмаки», а москвичи – «ботинки». Первые полтора месяца она училась новым оборотам и выражениям, голова пухла от слов, и вдруг однажды утром проснулась, услышала из окон, как мимо идут, переговариваясь, люди на работу, и поняла, что все: «ощущала совершенно точно свободную легкость в голове и душе, и поняла: так, теперь ты пустила корни окончательно в этот язык». Когда-то в детстве Елена была обучена читать по-русски, но потом забыла азбуку, и когда ее русские родственники увидели, как она читает, – по складам, – то очень смеялись и начали учить ее заново грамоте, заставляя читать каждый день по часу вслух двоюродным бабушкам «Войну и мир».

Откровением стало знакомство с русскими родственниками, интеллигентами, прошедшими войну, пострадавшими от сталинских репрессий. Елена была потрясена их глубочайшим юмором и критическими взглядами, они, безусловно, были лояльны по отношению к своей родине, но в политическом, интеллектуальном плане соответствующе смотрели на коммунистическую систему. Вместе с тем они были в состоянии оценить положительные стороны советской власти, например достижения всеобщей грамотности и прогресс в области образования. «Мы жили, значит, с нашими родственниками впятером в однокомнатной квартире в Москве три месяца подряд, –

рассказывает Елена, – и это тоже было для меня откровением – каким образом можно так жить, притом дружелюбно, иногда при натянутых настроениях, естественно. И эти сестры день и ночь делились своими жизнями, то есть друг другу все рассказывали. И я сидела каждый день развесив уши, будто у вас три месяца подряд постоянно кино происходит. После этих трех месяцев я вернулась домой, но знала, что у меня застрял в сердце новый мир, новые друзья, новые родные, которые стали для меня важными, и поэтому я возвращалась не один раз туда, и до сих пор у меня тесный с ними контакт».

Вообще, из первых книг в семье читали «Федорино горе» Чуковского, «Конек-горбунок», а русские сказки рассказывались; потом был Пушкин, в 15–16 лет – Чехов, которого читала вслух бабушка, а Елена читала ей Тургенева. В 17–18 лет – Толстой, Достоевский, Паустовский, вся диссидентская литература, Солженицын. В Москве познакомилась с песнями Галича, Высоцкого, а с советской литературой – в университете. Все семейные книги сгорели во время войны, но дедушка в последние годы тратил часть пенсии на покупку русских книг в антиквариатах, и все они читались. Позже Елена уже знала, где покупать в Мюнхене русские книги, и, когда приезжала в Москву, обязательно там запасалась чтением. Русский язык и литературу она изучала «как самый дешевый вариант третьего предмета» в университете. Первыми были история, политология, обществоведение. Учить язык, знакомый с детства, было странно: «все другие как-то действительно должны были изучать этот язык, а я попросту им пользовалась. Литература и поэзия – да, конечно, я кое-что открыла для себя, естественно». В СССР приезжала в гости, переводчицей с делегацией профсоюзов ФРГ, а в 1999 г. выступила в Новосибирске на конференции с докладом о проблемах адаптации русских немцев в Германии. Связь с родственниками больше не прерывалась.

По окончании университета встал вопрос о профессиональной занятости. Елене хотелось быть в контакте с людьми, не просто сидеть за столом. В Германию приехало все больше иммигрантов, в том числе итальянцев и поляков, потом и российских немцев. Когда госпожа Кхуэн-Белаззи стала работать с иммигрантами, – а ей кажется, что это произошло не случайно, – и когда она встретилась впервые с переселенцами из бывшего Союза, то поняла, что они находятся под глубоким воздействием русского языка и русской культуры. В своей профессиональной жизни связь с этими истоками постоянно ее сопровождает, и она этому очень рада.

Опыт Елены говорит о том, что если молодые переселенцы, то есть те, с кем она и ее коллеги работают, приезжают в Германию в возрасте 15–16 лет, их язык полностью сохраняется. Однако стоит вопрос о том, с кем, о чем и где они общаются, в какой степени употребляется жаргон, со всеми нецензурными словами, заменяет ли он все другие стили речи. Общение дома, общение со сверстниками, изучение немецкого – все эти факторы важны. Если родители бережно относятся к языку, то у детей есть шанс сохранить свой язык. Если же приезжают дети более младшего возраста, то, возможно, они потеряют русский язык, занимаясь интенсивно немецким, однако и не-

мецкий часто не доучивают, потому что уделяют ему слишком мало внимания и не могут общаться с коренными немцами в достаточной степени. Организуя новую жизнь русскоязычных иммигрантов в Германии, Елена своей личностью, своими установками и поведением дает им понять, что русский язык и русская культура ей «важны, милы и интересны, т. е. что общаться на русском языке – это вообще-то драгоценность, которой следует дорожить, а не пренебрегать ею». Например, она организует гастроли молодежного коллектива «Театралика» под руководством Анжелики Лозановски (до 2006 г. Торгашинной) из Саратова, и публика восторгается актерским мастерством, а подростки-иммигранты видят, что есть немцы, которым нужно больше знать и интересно узнавать о России. Естественно, раз дети живут в Германии, то главный язык в их жизни будет немецкий, потому что их учебная, профессиональная и социальная жизнь протекает на немецком языке, хотя бы и не в совершенстве освоенном. Как это происходит – зависит «от уровня образования, от сознательного отношения родственников, родителей в первую очередь и учителей. Сохранить русский язык, безусловно, удастся только частично, здесь не надо питаться иллюзиями, но все же, пока это возможно, необходимо, чтобы человек себя чувствовал целостным» и способствовал поддержке отношений между Германией и Россией.

Постоянно и чаще всего Елена употребляет стандартный немецкий язык, это главное средство обучения и интеллектуального общения. На южно-тирольском диалекте она в состоянии разговаривать, но это не ее домашний язык. На него она переходит с бывшими одноклассниками и жителями той деревни, где выросла. С русскими друзьями беседует на русском, но по степени употребительности это второй язык, хотя и более близкий по сердцу. Итальянским языком владеет прилично, но использует его очень редко, и ей нужно немного побыть в Италии, чтобы опять полностью восстановить его. На английском может объясниться, а французский понимает, но не может на нем говорить. Она определяет себя в зависимости от окружения: русские воспримут ее как немку, но нетипичную, а немцы – как свою, но вместе с тем еще чем-то занимающуюся, работающую в европейском масштабе. Елена думает, что у каждого человека всегда очень много идентичностей, и он «обладает возможностью быть многозначным, и это с одной стороны счастье, с другой стороны, надо сохранить свое единство, свой центр». Позитивное восприятие многозначности, множественной идентичности возможно на фоне положительной установки общества, когда отношение к человеку таково, что ему дозволяется разнообразие и он может проявлять себя в разных измерениях. Так было не всегда, и так бывает не всегда. Жизнь в объединенной Европе ощущается благодаря отсутствию таможен и границ, что очень приятно.

К православной церкви Елена стала принадлежать в 1996 г. До этого она была католичкой. «Но мама с нами каждый вечер молилась, и молитва для нас, детей, когда мы были маленькими, заключалась в том же, в чем и для мамы в детстве: "Боженька, сохрани всех!" Потом назывались бабушка,

дедушка, мама, папа и так далее, и заканчивалась молитва словами: "И всех православных христиан!"». В Баден-Бадене, где Елена приняла православное крещение, еще есть очень старые русские, уходящее звено. «В какие-то этапы жизни, – размышляет госпожа Кхуэн-Белази, – возникают вопросы о духовном очаге или что-то в этом роде, по разным причинам, и каждый, наверно, решает по-своему, но, безусловно, тут есть какие-то корни семейные или корни детства тоже. Для меня ситуация русскоязычной церкви в зарубежье повторяла в каком-то плане особенно драгоценные, важные, определяющие истории собственного детства, вот почему я вышла на эту дорогу».

По всем официальным документам героиня нашего рассказа – *Хелене (Helene)*. Дома ее ласково называли *Котик*, а *Леной* или *Леночкой* она стала после того, как по этому имени к ней обращались в Москве. Новое имя – новая идентичность – освобождение от старого образа, особенно важное тогда, когда уходишь из родительского дома. Таким собственным русским именем госпожа Кхуэн-Белази подписывает свои статьи: *Lena* – когда пишет по-немецки, *Елена* – когда пишет по-русски, и, по ее словам, до сих пор ее за это еще никто не наказал.

Поддержка языков в мультинациональной семье на протяжении нескольких поколений – вещь не такая простая, как кажется на первый взгляд. Многие иммигранты, стремясь как можно скорее интегрироваться в принимающее общество, отказываются от своего происхождения. Не все в состоянии передать язык своим детям, не говоря уже о внуках. Способность помогать другим людям на пути в многоязычие дается не каждому. Служить связующим звеном между странами и культурами – путь Елены Кхуэн-Белази. Опыт ее семьи служит ей опорой.

Лариса Прокопьевна Барсова и ее муж Фритц (Фридрих Карлович) Шмидингер

Справа – Татьяна Васьевна, прапрабабушка Елены, которая «пошла в народ». Она смотрит на свою внучку Татьяну, дочь двоюродной бабушки Елены (родной сестры бабушки). Снято в Переславле-Залесском около 1937 г.

Н. Н. Орехова, О. Н. Обухова

Этнические немцы Глазова и языковой сдвиг

Начиная с 2007 г. на базе научной школы Глазовского государственного педагогического института им В. Г. Короленко под руководством доктора филологических наук, профессора Н. Н. Ореховой в сотрудничестве с Вятским государственным гуманитарным университетом (Киров) проводятся комплексные исследования языка и этнокультуры российских немцев. Исследование этнической общности российских немцев Глазова проводится в тесном взаимодействии с немецким культурным центром “Wiedergeburt” и его подразделением “Seniorenklub”. Была поставлена задача: в многообразии фактического материала выявить общие закономерности, характеризующие особенности языка этнических немцев, проживающих на территории Глазова, обнаружить корреляции между историческими, социокультурными, индивидуальными особенностями и степенью сохранности немецкого языка. Изучение речи российских немцев Глазова строится по разным направлениям:

1. Выявление общих особенностей речи немецкого сообщества г. Глазова, объединенных по ряду следующих социально-демографических и социокультурных признаков: а) место рождения; б) возраст; в) уровень образования; г) семейное положение и вид брака (поли-/моноэтнический).

2. Описание речи отдельных респондентов, анализ ее особенностей на всех уровнях языка с учетом специфики речевого поведения респондентов, особенностей биографии, существования немецкого языка в условиях иноязычного окружения (дву- или многоязычия).

3. Изучение особенностей немецкого языка в речи российских немцев разных возрастных групп.

4. Гетерогенность немецкой речи, в которой репрезентированы как германские диалектные черты (старшее поколение), так и элементы нормы, Hochdeutsch, в речи более молодых носителей.

Основной материал исследования составили сделанные нами в период 2007–2010 гг. магнитофонные записи и записи на диктофон естественной неподготовленной устной речи – анкетные данные и беседы на разные темы (рассказы об истории семьи, воспоминания о переселении в город Глазов, воспоминания о войне, трудармии и т. п.). В ходе полевых исследований применялись методики включенного наблюдения, анкетирования и свободной беседы с записью на диктофон Sony с последующим аудитивным анализом, инструментальным анализом речевых материалов. Для обработки, визуализации и анализа голосовых и спектральных параметров речи респондентов в исследовательской работе использовались программы GoldWave (version 5.25) [1] и Praat (version 5.0.45) [2], предназначенные для анализа и синтеза речи.

Полевые исследования языка и этнокультуры немецкой общины Глазова позволяют сформулировать некоторые теоретические обобщения. Речь идет о наиболее значимых дистинктивных признаках этой этнокультурной общности. Прежде всего, следует отметить двойственный характер процессов, происходящих в среде этнических немцев. С одной стороны, представители этнокультурной общины российских немцев Глазова стараются сохранить язык, культуру, традиции и историческую память своего народа, своих семей. С другой стороны, в силу пролонгированных негативных социополитических факторов и в условиях дисперсного проживания в иноязычной урбанистической среде в отношении немецкого языка/диалектов отчетливо просматривается ситуация языкового сдвига. Немецкий язык перестал быть языком повседневного общения этнических немцев Глазова, сохраняя статус окказионального, в чем-то мемориально-ритуального дискурса. В целом наблюдения свидетельствуют, что консолидирующими факторами утраты языковых традиций являются:

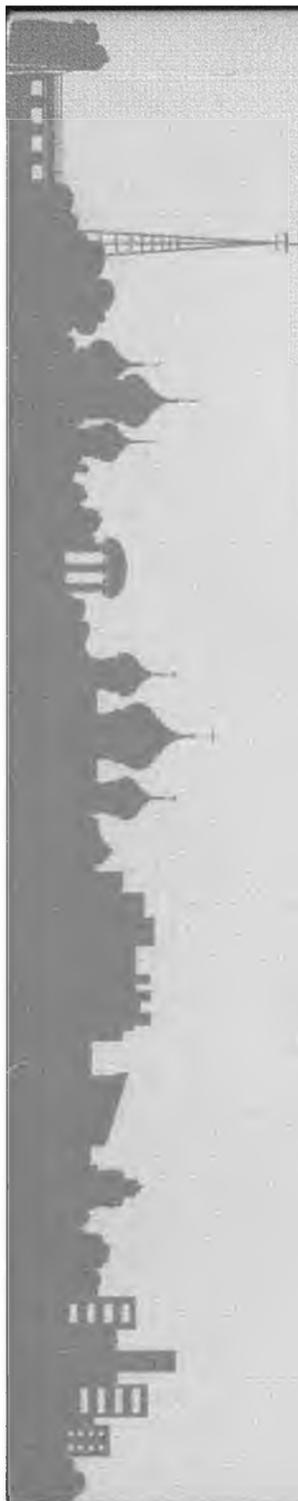
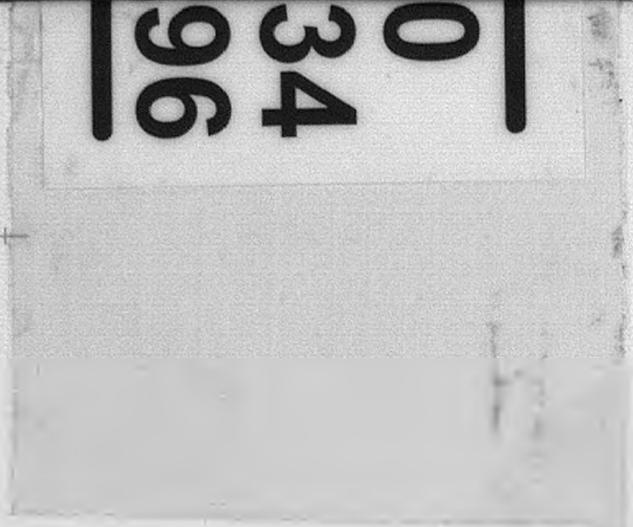
- дисперсный характер проживания немецкой этнической общности Глазова;

- процесс урбанизации и, как следствие, «разобщенность» немалой части этнических немцев в поликультурной социально-этнической среде города;

- небольшая численность этнической группы глазовских немцев и солидный возраст ее носителей – самого активного ядра этнической группы.

На сегодняшний день немецким языком свободно владеют или могут на нем объясниться всего лишь 15 респондентов старшей (90–70 лет) возра-

0
34
96

ЖЕЛТЫЙ В РОССИИ:

ВЗГЛЯД ИЗ ПРОВИНЦИИ